

АНАТОЛИЙ НАБАТОВ

СОЛОВЕЙ РОССИИ

Воспоминания о Станиславе Золотцеве

Минуло много лет после нашего знакомства в страшном 1993 году. Как все поэты, Золотцев пел и о любви. Но в те горячие дни эта сторона его творчества меня интересовала меньше. Меня захватывал пафос судьбоносного времени в его огненных стихах. Мы были созвучны. Мои картины кричали о том же.

Летом того года я пригласил поэта на свою выставку в Верховном Совете и сразу же в Совет деятелей культуры, идея которого встретила тогда отклик у главы парламента России Хасбулатова. Как и меня, Золотцева влекло в эпицентр сопротивления ельцинскому режиму. Но в создаваемом нами Совете деятелей культуры мы поработать толком не успели, хотя планов было много. Проамериканский режим ельцинского вора ломал последнее сопротивление разгромленной державы. 21 сентября начался ельцинский переворот и двухнедельная осада парламента России. Затем его расстрел и штурм. В те трагические дни, когда решалась судьба огромной страны, поэт был вместе с нами. Тогда в его жизни были незабываемые мгновения: его стихи гремели над бурлящей площадью перед Белым домом. Его слова молниями падали в людское море и взрывом оваций раскатывались в воздухе. Его стихи становились песней и стоном народа:

*Возродись, империя моя,
Русская великая держава!*

Вооруженное противостояние вору, захватившему власть и распродающему страну, — это праздник. Всё остальное — будни. Этот праздник у нас был. Все мы вышли из пламени горящего Дома Советов.

НАБАТОВ Анатолий — русский художник. Родился 8 октября 1962 года в г. Выборге Ленинградской области; окончил факультет живописи Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академия художеств). Главный цикл картин “Россия”: “Рождение России”, “Апофеоз”, “Чёрное колесо”, “Час пробьёт”, “Пора, сыне!” и др. Автор портретов В. Белова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, Д. Гранина, В. Пикуля, А. Руцкого, Р. Хасбулатова, А. Лебедея, А. Стерлигова. В сентябре-октябре 1993 года — активный защитник Конституции РФ и Дома Советов России.

С того времени началась наша дружба. Но до написания портрета Золотцева я добрался лишь жарким летом 1999 года. Работали мы в моём маленьком кабинете на Старой площади. Станислав Александрович приходил весь взмыленный, разгорячённый солнцем и происходящими событиями, и полчаса успокаивался перед сеансом. Истинный поэт, он, как обнажённый нерв, страдал не только от литературных неурядиц. Литературную среду он называл “клубок взасос целующихся змей”. Но литературные дрязги его волновали куда меньше, чем нарастающая трагедия родной Псковщины и всей страны. Удары по стране он ощущал, как по собственному телу.

Я орудовал кистями, а он говорил, говорил, говорил. Иногда замолкая и глядя в окно на двор и крыши зданий Старой площади, зданий гнездилища власти, будто ожидая, что эти дома вот-вот провалятся в тартарары от его гнева. Поэт устало и обречённо изливал горечь души.

Золотцев — один из немногих поэтов-интеллектуалов. К сожалению, талант очень редко сочетается с широтой и глубиной образования. Ещё реже Божий дар творца сливается с могучим интеллектом в единое целое. У многих творцов голова существует отдельно от вдохновенного языка. Они сначала лихо упестрят страницы строчками, а потом озадаченно чешут затылок:

— И что такое я навалял? И что с этим делать?

Дар создавать образы и передавать состояние души далеко не всегда соседствует с глубиной мысли и эрудиции. Правда, ещё хуже, когда голова “перевешивает” руку — тогда поэт *мыслию растекается по дереву*, а перо лишь рифмует ход этой мысли. Но это уже не поэзия и не поэты. Ум, опирающийся на прекрасное образование и огромный поэтический дар, — сочетание в истории редкое. Даже в блестящей плеяде русских поэтов XIX века таких единицы. Пушкин, Тютчев... Поэзия Золотцева — из этого круга.

Его можно поставить рядом с Тютчевым. Лишь эпохи разные.

Тютчевская эпоха — это временное поражение России и последовавшее за ним накопление сил, когда, по выражению Горчакова, “Россия собиралась”. А за поражением снова гремели победы. То был период осознания своей национальной самобытности. И одновременно предощущение надвигающейся грозы, которое улавливало только сердце гения Достоевского.

А время Золотцева — тотальный разгром и расчленение державы, уничтожение её экономики, культуры, геноцид народа. Время медленного осознания нами того, что и народ, и страна тоже могут быть смертны. Жуткое время. И Золотцев понимал, что самое страшное у нас ещё впереди. В его стихах с невероятной силой выражена наша боль и наша надежда:

*Подонками сменяются подонки
у власти в нашей гибнущей стране.
Кровавой мглой сменяются потёмки...
И лишь одно сегодня ясно мне:*

*дай Бог из нас однажды хоть кому-то
сказать, взглянув на прошлое своё:
— Мы были современниками Смуты,
и мы спасли Россию от неё.*

Сеансы портрета заканчивались, уходящее солнце золотило крыши Старой площади, а мы всё сидели и сидели. “Два коня на лугу, две усталых расседланых лошади...”

Как истинный нерв народа, Золотцев предчувствовал те назревающие проблемы, которые большинство его коллег не заметят и потом, когда проблемы уже обнажатся во всём своём безобразии. Так, ещё до написания Золотцевым “Синичьей горы” мы разговаривали о назревавшем разделении и стравливании двух частей нашей культуры: Православия и собственно культуры. Хотя культура у нас православная, и любая делёжка немыслима. Сейчас, спустя время эта проблема превратилась в язву. Взять хотя бы спектакль передачи Исаакия Церквы. Все роли расписаны закулисным режиссёром. И “за”, и “против”. Участникам спектакля уже никуда не деться со сцены и приходится таскать заготовленные подлым сценаристом лозунги.

Причины понятны. Приток в Церковь огромного количества неопитов, искренне верующих, но невежественных, готовых в истовой вере крушить всё, противопоставляя светское церковному. Радостная готовность режима давить одной частью общества другую. Но выстоит ли Россия без Пушкина и других столпов русской культуры? А что будет с Православием без России? Проблемы эти нас заденут ещё очень и очень серьёзно.

Ещё тогда Золотцев внутренним художническим зрением увидел подспудно зреющую болезнь. Да, сначала как поэт почувствовал, а потом как учёный начал исследовать. Уже тогда можно было предусмотреть грядущие сценарии и начать стелить соломку. Но... Поэт не мог прорваться на трибуну. Его голос не был услышан. Маленький тираж роман-газеты с «Синичьей горой» не решал ничего.

Когда Станислав Александрович заговорил о монастыре у Синичьей горы, он нашёл понимающего слушателя в моём лице. Я так же болезненно переживал намечающийся излом. Сейчас я рад, что тогда хоть этим мог поддержать его. Быть единомышленником.

Большую часть времени Золотцев проводил во Пскове. Приезжая в Москву, заходил и к нам. Кто из его знакомых не знает псковских сметок, которыми он угощал всех? Радостно врывался он и к нам и гордо бросал на стол пакет со сметками.

По жизни Золотцева я знаю, как тяжело приходилось профессиональному литератору и большому поэту выживать в современной России. Он пытался даже заниматься переводами для коммерческих фирм. Там качество переводов никого не интересовало. Блестящий знаток языков Золотцев метал бисер... Но это-то ладно. Мы все к этому уже привыкли, каждый в своей сфере. Дело в другом. Большой мастер переводил за копейки. Но ведь даже и копейки не давали. Как-то он, придя к нам, рассказал, что ему за огромный перевод, труд нескольких месяцев, ничего не заплатили. Денег нет, сказали. А не хочешь и не переводы, сам просил дать для перевода. Станислав Александрович был страшно подавлен, он растерянно вжимался в кресло и чуть не плакал. Мы с женой утешали как могли, но что сделаешь?

Это всё штрихи времени. Побочный эффект геноцида народа.

Картину «Триумф России» я первым пригласил смотреть Золотцева.

Увидев картину, уже висевшую на стене в моём кабинете, Станислав Александрович долго стоял перед нею и вдруг неожиданно вытянулся перед нею во фронт и отдал честь, как будто принимал парад у идущего на картине воинства. У картины ещё не было названия. В голове вертелось несколько. Один из вариантов был – «Последний парад».

– Не надо, – сказал Золотцев. – Сразу возникает ассоциация с «Варягом». Не надо. А «Триумф»? Не знаю, не знаю.

Уже в мастерской Станислав Александрович долго разглядывал картину «Руины».

– Анатолий Леонидович, я наконец-то понял вашу сдержанность в живописи. Мне говорили, что у вас мало цвета, а я смотрю и вижу, что у вас на стене храма тысячи оттенков. Все цвета радуги, а отойдёшь – белая стена. Но как сверкает на солнце!

Несмотря на близкие отношения, он никогда не называл меня по имени, а всегда только – Анатолий Леонидович.

Однажды зашёл у нас разговор о графоманах в поэзии. Мне приходилось иметь дело и с ними, но в живописи дилетанты просто заедали. Я жаловался Золотцеву:

– Заедают. Берут массой и наглостью. Их много. Отбрыкиваться от них очень тяжело. Все самовыражаются, всё у них ярко, как бусы для индейцев, но у всех поразительная, удивительная безликость и одинаковость. Очень трудно в таком количестве бездарей и посредственностей отыскивать таланты.

Я тогда занимался проектом «Художники России. XXI век», и приходилось отбиваться от живописных графоманов, которые лезли в проект через губернаторов и депутатов.

А Золотцев радостно утверждал, что огромное количество графоманов, расплодившихся в наше время, – это прекрасно. Для литературы. В доказательство он приводил пушкинское время. Тогда только ленивый не писал стихи.

И для поэзии графоманская масса оказалась очень плодотворной почвой. На общем фоне и общем интересе к поэзии выросли и Пушкин, и целая плеяда блестящих поэтов.

Я вздохнул.

— Не знаю, как в поэзии, а в живописи приток графоманов ужасен. Снижается общий уровень. Снижается уровень покупателя. Снижается цена. А для создания картин нужно оттачивать мастерство. Это и время, и мастерская, и холсты, и материалы. Всё требует денег. И если работа над картинами не окупаются, то художники вымирают, как мамонты, а живописные графоманы остаются. Да вы в любой салон зайдите, Станислав Александрович. Поэт ещё может писать в стол, а на жизнь зарабатывать другим способом. А художник — нет, живопись требует всего времени, иначе теряется мастерство. Если спрос на качественную живопись падает, погибает школа, наша школа живописи. Станковая композиция уже практически исчезла, потому что она требует много времени и работы: этюдов, эскизов, реквизита, сопутствующего и натурального материала, натурщиков, наконец. На всё нужны деньги, и немалые. А государственный заказчик исчез. А богатый невежа предпочтёт дешёвую поделку, потому что он просто туп. А на что художник будет жить?

Золотцев удивлённо слушал и сказал только:

— Да?

Для него это было новостью. Слишком велика разница между графоманией в литературе и наглым, всё презирающим дилетантизмом в живописи.

Сейчас, спустя время я вижу, что безудержный поток бездарщины в союзе с невежественным режимом способен задавить и поэзию. Казалось бы, бессмертную.

А тогда у меня возникла идея роскошного подарочного издания “Поэты России. XXI век”, аналогичного нашим томам “Художники России. XXI век”. Издание должно было быть тоже на федеральном уровне.

Золотцев долго колебался, понимая огромный объём работы и — главное — добывания денег на издание, но это я брал на себя. И в конце концов, он загорелся идеей. Хотя не раз потом говорил:

— Я умом понимаю, что это невозможно, а посмотрю на полку, на ваши огромные тома с художниками России и поверю.

И я — художник, и он — поэт, оба мы видели пропасть, в которую неудержимо сталкивали Россию, и мы всеми силами пытались хотя бы затормозить это катастрофическое падение. У нас один крест, одна боль, одно ощущение бессилия, иногда мы без слов понимали друг друга.

Он взял нас себя нелёгкий труд переговоров с поэтами, и в достаточно короткий срок мы собрали материалы: стихи, биографии, фотографии и прочее.

Предисловие он написать не успел. А собранные материалы мы сохранили и надеемся со временем всё-таки издать.

Портрет, и я в этом не раз убеждался, — это ещё один ангел-хранитель человека. Слишком много энергии вливает художник и позирующий ему человек в рукотворный образ на холсте. И портрет начинает жить жизнью человека, принимая удары судьбы на себя. Это таинство портрета удивляет и меня. Хотя портрет, конечно же, не панацея от всех бедствий. Не панацея, но всё же...

В конце весны 2007 года, когда Золотцев позвонил, у меня кольнуло в сердце, и я предложил ему написать ещё один портрет. На большом холсте, поясной. С руками.

— Я напишу вас таким, каким вы стали сейчас.

Но Станислав Александрович не смог. А потом... не сложилось.

Лишний портрет не помешал бы поэту. Мистические защитники и покровители ему были ой как нужны. Мы с женой молились за Станислава, но в святцах нет имени Станислав. Мы тогда не знали, что в крещении Станислав Александрович стал Николаем. Жить поэту оставалось 9 месяцев.

За два года до смерти Станислав Александрович стал оформлять пенсию. Для известного поэта, проработавшего на литературном поприще сорок лет, хождение по канцелярским тропам обернулось ещё одной горькой мукой.

Псковский вице-губернатор (а к этому времени Золотцев уже давно был прописан во Пскове), к которому поэт пришёл, небрежно сказал:

— Какая пенсия? Вы же не работали. Вы только стихи писали.

Золотцев чуть не плакал. И он, и я, мы оба знали, какую криминальную группировку представлял этот псковский чинуша-бандит.

Ужасно зависеть от произвола невежественного чиновника, но ещё хуже — от невежественного бандита. Творческий слой народа вообще самый уязвимый, и когда народ убивают, творцы гибнут первыми.

В тот же вечер он сказал мне:

— Анатолий Леонидович! Вы бы знали, как хочется жить!
И столько тоски было в его словах и взгляде!

Оторвавшийся тромб — вот официальная причина остановки сердца поэта. Но после вскрытия врачи удивлялись, как он мог вообще жить с таким сердцем. Оно было изношено до последней степени.

Травля — вот истинная причина. Травля и чиновниками, и добровольными холопами нынешнего режима. Режима, которому чужда не только национальная культура, но и культура вообще. Золотцев был нужен России, но не нужен кремлёвской власти. У нас власть существует отдельно от России, сама по себе, в себе и для себя, ну, ещё для заграницы, куда переводят хапнутое здесь, а наша Россия существует вопреки этой власти, и даже не совсем законно.

*Закономерность беззаконья —
У нас единственный закон.*

Эти строки Золотцева родились не на пустом месте.

Часами Золотцев мог говорить о Пушкине, Чехове, своей работе в архивах. Он заставил меня по-другому взглянуть на Чехова. Я ему как-то сказал, что недолюбиваю его.

— Какая-то тоскливая беспросветность сквозит в нём.

Тут Станислав Александрович распалился. Отчаянно!

— Вы не понимаете, Анатолий Леонидович. Это великий писатель. Его намеренно искажают и замалчивают!

Он то вскакивал, то садился, рассказывая о Чехове и комментируя его вещи. Конечно, он был прав. Теперь я другими глазами смотрю на величественную фигуру Чехова.

Как-то мы заговорили о поэтах прошлого, о Пушкине, о Лермонтове, об их роковой гибели. И тут, как бы предвосхищая то, что будут говорить о его смерти, Станислав Александрович сказал:

— И Пушкин, и Лермонтов сами немало сделали для того, чтобы умереть так, как они умерли.

Я слышал потом, что смерть Станислава Александровича ему же самому и ставили в вину. Да, наверное, что-то зависело и от него. Но так можно обвинить почти каждого из ушедших: там недосмотрел, там недоучёл, там не принял, там не озаботился, там переусердствовал, там слишком... А я точно знаю — сердце Станислава Александровича не выдержало того, что творят с Россией тупые невежественные ворюги, захватившие власть.

Многие говорили, что Станислав Александрович был вспыльчив. Но дело было не в его характере, со мною он погорячился только один раз, да и то потому извинился. Дело в другом. В наше время — я не раз в этом убеждался — талант в литературном мире, если он не подкреплён соответствующей должностью, обречён на одиночество. А Золотцев — даже на самый поверхностный взгляд — очень крупный поэт и очень эрудированный, умный публицист. Я не был на поминках поэта, но на сороковинах в ЦДЛ я не увидел ни одного литературного генерала, а коллеги поэта в своих речах старательно поминали его только как хорошего человека и обходили молчанием его поэзию и публицистику. За поминальным столом я с ужасом и болью понял, как же был одинок Золотцев в своём кругу! Я в своём поминальном слове назвал его великим поэтом, и тотчас раздался пьяный голос Владимира С.:

— Он великий, а я нет? Я тоже хочу быть великим!

Я смолчал, чтобы за столом не возникла пьяная склока, а так хотелось ответить словами из старого анекдота про еврея, который очень просил Бога сделать его Героем Советского Союза. И Бог ему явился:

— Вот тебе одна граната и три немецких танка. Становись Героем Советского Союза!

Так и у меня вертелось на языке:

— Вот тебе одно перо и вот тебе три российских редактора — становись великим поэтом!

Великими становятся не по желанию.

Мы были современниками поэта, обладающего прозорливостью, чувством и знанием России. В мутную эпоху разрушения страны поэт сгорел, как свечка, в огне своего дара. Последние годы поэта — это страдания. Физические, душевные. Боль за гибнущее отечество, безнадежная борьба и отчаяние бессилия. Нищета. Унижение. Неужели это плата за бессмертие? Чем тогда платить за Россию?

Чем дальше Золотцев отдаляется от нас во мрак времени, тем величественнее и монументальнее вырисовывается передо мною его трагическая фигура.

Плоть от плоти народа, он пел русскую песню и, как другие наши великие поэты, не дошел до конца. “Последний соловей” — эти золотцевские слова оказались эпитафией ему самому. Он сам стал последним соловьем России. Что за судьба у русской поэзии?

Как-то незадолго до прихода Станислава Александровича у меня в мастерской произошло ЧП. Один из наших котиков — Черныш, недавно обретенный в мороз на лестничной клетке дома, откормившийся и помытый, наконец-то из квартиры был перевезен в мастерскую. Если другие наши звери прекрасно ориентировались среди мольбертов и картин — куда можно прыгать, а куда нет, — то Черныш, попав в мастерскую и едва оглядевшись, сразу же взлетел на палитру и удивленно месил лапками краску. Мы с женой в ужасе заорали и бросились к нему. А он, ловко увернувшись, радостно заметался по мастерской, стараясь вымазать краской как можно больше поверхностей. Весь пол, диван, стулья — всё мгновенно упестрилось разноцветными пятнами.

Закончив обтирать кота, мы оттирали краску с пола, когда пришел Станислав Александрович. Я по инерции ещё продолжал свирепо ругать Черныша. Золотцев растерянно слушал. Свои грозные речи я заключил:

— Нет! Этот кот не для мастерской! На улицу! На свалку! В лес! В пустыню! Чтобы глаза мои его не видели!

Кто бы мог подумать, что мои страшные угрозы подействуют вовсе не на Черныша, а на Станислава Александровича. Черныш, умытаясь в окружении хвостатых соратников, всем своим видом говорил мне: “Плевал я на твою палитру, плюю и плевать буду!”. А вот Станислав Александрович всерьез заперевивал. Он горячо бросился на защиту пушистого ухаля:

— Не надо, Анатолий Леонидович, он ещё освоится здесь. Он больше не будет так. Не выбрасывайте его.

Станислав Александрович не сообразил, что моё свирепствование носит исключительно воспитательный характер. Нам пришлось успокаивать его:

— Кто же его тронет! А на улицу ему никак нельзя. Он даже мышей боится.

Черныш действительно боялся всех, кроме хозяев, которых он почитал за долг изредка покусывать, чтобы им жизнь сладкой не казалась. А его уникальная женская боязнь мышей в деревне навела меня на мысль написать картинку “Мышкин сон”, где здоровущая мышь в наступающих сумерках выгоняет котов за околицу. В ярости лапщами потрясает: “Все вон!!!”

Повесть Золотцева “Камышовый кот Иван Иванович” в какой-то аннотации почему-то обозвали сказкой. Моя жена Вера спросила Станислава Александровича:

— А был ли такой кот на самом деле?

Золотцев загадочно промолчал. А для меня всё ясно. Ну, конечно же, был! Был такой кот! Вещий кот, потомок самого кота Баюна! Вот люди обзывают мою картину “Мышкин сон” фантазией и иллюстрацией к сказке, а ведь это правда, а не сказка. На самом деле у меня живёт кот, который при виде мыша удирает сломя голову. Это тот самый кот Черныш, за которого когда-то заступился Станислав Александрович.